Развитие переводной литературы, тесно связанное с общим историко-литературным процессом, подобно последнему обусловлено общеисторическим процессом и в конечном счете зависит от развития экономики, смены формаций, классовой борьбы. На материале ранней переводной литературы древней Руси это впервые подчеркнул Д. С. Лихачев.

В X—XII вв., «под властным давлением классовых потребностей в собственной надстройке, верхи феодального общества Руси обращаются к Византии и находят здесь многое, что могло оказаться им пригодным».[2] О непосредственном руководстве правителя работой переводчиков сообщает под 1037 г. «Повесть временных лет»: Ярослав «собра писце многы и прекладаше с ними от грьчьска на словеньское письмо и списаша книгы многы». Центрами переводческой работы на Руси в это время были Киев, Чернигов, Галицко-Волынская Русь, а за ее пределами такие восточнохристианские центры культуры, как Афон и Константинополь.[3]

Новый подъем интереса к идейному и художественному наследию Византии наблюдается на Руси после падения Византийской империи, в период образования Русского централизованного государства в XV—XVI столетиях. В это время «феодальный класс Руси возрождает идеи византийской государственной власти, применяя их к власти русского государя, обращается к произведениям византийской литературы, к формам византийского искусства с целью укрепления авторитета государственной власти».[4] Центры культуры и вместе с ними основные центры переводческой деятельности перемещаются в это время на северо-восток Руси, где Москва становится центром Русского национального государства.

Вопрос о предпосылках широкого развития на Руси переводов в XVII в. до сих пор не привлекал специального внимания исследователей. Между тем они были многообразны.

На Руси в недрах феодального строя возникали в это время первые ростки нового: складывался всероссийский рынок, крепли буржуазные связи. Но феодализм оставался еще прочным и обостренная классовая борьба (крестьянские войны, городские восстания) была стихийной, развивалась всегда под царистскими лозунгами и только еще начинала расшатывать идейные устои феодализма.

Состав переводной литературы отражает ожесточенную борьбу нового со старым, происходившую на Руси в XVII столетии. По-прежнему еще переводятся сборники чудес, житий, нравоучительных новелл, хроники. Часть переводов (но теперь незначительная) делается еще с греческого языка. При этом некоторые греческие произведения появляются у нас в это время не только в переводах с оригинала, но и с западноевропейских переложений. Так, например, если в 1608—1609 гг. Ф. К. Гозвинский, ученый переводчик Посольского приказа, переводит басни Эзопа с греческого, то в 1674 г. А. Виниус переводит те же басни с немецкого («Зрелище жития человеческого»), а в 1675 г. симбирский ротмистр и помещик П. Каминский — с польского языка. Переводится много светских произведений: сборники анекдотов и юмористических новелл, любовно-авантюрные романы и повести.

Продолжительные войны с Польшей и Швецией, долголетняя борьба за воссоединение Украины и Белоруссии, турецкие походы 1680-х годов, многочисленные путешествия на Восток и посольства на Запад приводили

---

[2] Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 122.

[3] Ср мнение акад. М. Н. Сперанского о переводе Пролога: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. Сборник статей, стр. 41.

[4] Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы, стр. 127.